

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.02(470.44–25)+929[Чумаков+Скафтымов+Покусаев]

Ю. Н. ЧУМАКОВ, А. П. СКАФТЫМОВ И САРАТОВСКОЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ «ГНЕЗДО»

В. Ш. Кривонос

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: kafedralit63@ya.ru

В статье рассматриваются важные эпизоды из истории саратовской филологической школы, связанные с именами Ю. Н. Чумакова, А. П. Скафтымова, Е. И. Покусаева.

Ключевые слова: Саратов, саратовское филологическое «гнездо», Ю. Н. Чумаков, А. П. Скафтымов, Е. И. Покусаев.

Yu. N. Chumakov, A. P. Skafymov and the Saratov Philological 'Nest'

V. Sh. Krivonos

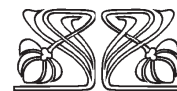
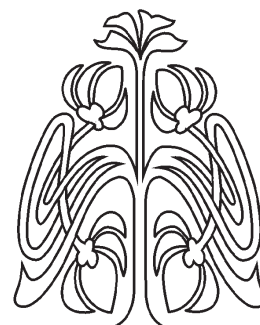
The article discusses the important episodes of the history of Saratov philological school associated with the names of Yu. N. Chumakov, A. P. Skafymov, E. I. Pokusaev.

Key words: Saratov, Saratov philological 'nest', Yu. N. Chumakov, A. P. Skafymov, E. I. Pokusaev.

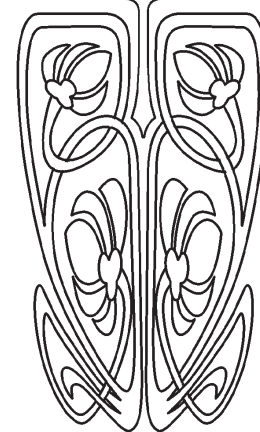
DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-1-45-49

В аналитическом обзоре книги Ю. Н. Чумакова «Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений», вышедшей в 2008 г., К. Г. Исупов называет его «известным саратовским филологом», «саратовским ученым» и «саратовским исследователем»¹. Настойчиво, причем в разных частях своего обзора, соединяя имя автора с городом, который тот давно покинул, рецензент, тем более столь опытный и многознающий, вряд ли мог допустить элементарную ошибку или не заметить случайной опечатки. Дело, надо думать, идет не о месте фактического проживания Чумакова, но о его причастности к саратовскому филологическому сообществу, принадлежность к которому, как верно подмечено в обзоре, была подчеркнута в авторском предисловии, где «припоминается статья А. Скафтымова 1923 года “К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы”». Имя Скафтымова, значимое и само по себе, нудит к выстраиванию целого ряда блестящих имен отечественных филологов и, что чрезвычайно важно, свободных мыслителей и профессиональных философов, вольно или невольно связавших свою судьбу с молодым Саратовским университетом»².

Список приведенных К. Г. Исуповым имен, от С. Л. Франка до Г. А. Гуковского, «оказывается более чем достаточным, чтобы представить себе степень духовной напряженности, которая определяла интеллектуальный климат саратовского ученого оазиса (или, как сказал бы В. Топоров, “урочища”»³. Или, что кажется более точным и более уместным применительно к предмету описания, филологического «гнезда», если вспомнить введенное Н. К. Пиксановым в научный обиход понятие «культурное гнездо»⁴. Как в случае «литературного урочища» можно говорить о «сложном соединении литературного и пространственного»⁵, так в случае филологического «гнезда» – о сложном соединении пространственного и филологического. Саратовское филологическое «гнездо», если представить его себе – учитывая разные формы пространственной локализации – в виде особой физической и виртуальной реальности, включает в себя и тех бывших питомцев, кто, находясь вдали от нее, чувствуют и сознают неразрывную с ней

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

внутреннюю связь. Чумаков, несмотря на все зигзаги и перипетии его судьбы, эту связь остро чувствовал и ясно сознавал.

«Я родился в Саратове в интеллигентной семье. Мой родной город всегда отличался довольно высокой культурой: там были консерватория, университет»⁶. В консерватории преподавал теорию и историю музыки отец Чумакова, окончивший в Москве синодальное училище и служивший регентом в церковном хоре, но после революции сменивший род деятельности; на сына он оказал «немалое влияние»⁷. Университет Чумаков окончил очень взрослым, в 1954 г., когда ему было уже тридцать два; до этого успел побывать на фронте, где получил тяжелое ранение, проучиться три года в медицинском институте и отсидеть, как он однажды выразился, «в узилище»⁸. На филфак, по его поздним воспоминаниям, попал «почти случайно», но так сложилось, что «после ряда драматических поворотов» в судьбе «вышел на то», что ему «было нужно»⁹.

Вышел он, но уже совсем не случайно, и на статью Скафтымова 1923 г., знакомство с которой отмечено им самим как событие в научной биографии: она развернула его интересы в сторону «имманентного анализа или, скажем, имманентно-интуитивной методики»; из статьи этой, «глубокой и сильной», он «усвоил основные термины», которые стал использовать «в близких значениях», и, главное, основной принцип подхода к законченному тексту: «Только само произведение должно за себя говорить»¹⁰. Позднее, развивая и при этом переосмысливая установки Скафтымова относительно имманентного рассмотрения, он особо выделил роль контекстуальной имманентности, подразумевающей «неочевидное вложение в рассматриваемый текст различных знаний, интуиций и чувственного опыта»¹¹.

В те годы, когда Чумаков только задумывался о своем пути филолога, а собственное научное будущее, в силу многих причин, представлялось ему весьма призрачным и неопределенным, именно Скафтымов, несмотря на затворнический образ жизни и известность, что называется, в узких кругах, «служил все более и более убедительным примером и доказательством (крайне важным для начинающих гуманитариев в тех обстоятельствах) самой возможности самостоятельной научной мысли и свободы текстов от демагогических наслоений в подцензурных условиях»¹². Методологическая статья Скафтымова явилась для Чумакова образцом привлекательной для него индивидуальной аналитической манеры, предъяснявшей исключительные требования к личности исследователя; в личность исследователя, способного вложить в текст и знания, и интуицию, и опыт, все в конечном счете и упиралось. Такова была природа и таков был пример скафтымовского имманентного подхода, в главных своих чертах унаследованного Чумаковым и творчески им воспринятого.

Размышляя о механизме самовоспроизведения культуры в провинциальном городе, Ю. М. Лотман говорил о важности атмосферы, созданной образованными энтузиастами: «... нужно, чтобы кто-то – носитель высокой культуры – “прикоснулся”. Кто-то передал»¹³. Таким человеком, кто способен был передать и действительно передавал на протяжении многих лет, и был Скафтымов, личность которого притягивала к себе немало увлеченных последователей, причем далеко не все из них находились в непосредственном общении с ним, постоянном или хотя бы эпизодическом. В письме ко мне от 28 сентября 2014 г., познакомившись с запозданием с моей статьей о Скафтымове, опубликованной в «Новом литературном обозрении» (1999, № 36), Чумаков приводит важное биографическое свидетельство: «К сожалению, я не был знаком с Александром Павловичем и у него не учился. Только однажды он сделал замечание о моем докладе». Скафтымов «прикоснулся» к нему по-иному, чем к другим, прежде всего своими статьями, мыслями и идеями. Знаменательно, что заново открывшаяся в середине 1960-х гг. возможность осуществления «монографического имманентного анализа», связанного с именем Скафтымова, переживалась Чумаковым «как глоток свободы»¹⁴.

В том же письме Чумаков коснулся и трагических сторон жизни Скафтымова: «Если в 1922 году была написана, а ты сказал, великая статья о теории и истории, то позже пришлось писать биографию Чернышевского, то есть в итоге великолепный расцвет первой половины его жизни был не глядя подавлен. Разумеется, была статья о “Вишневом саде” с ее темой мимоговорения. Последнюю статью о Кутузове я, конечно, прочел с величайшим вниманием». И продолжил взволновавший его разговор в следующем письме, написанном буквально на другой день, 29 сентября: «Хочу добавить несколько слов о Скафтымове. Мне кажется, что описание природы в письмах к Оксману имеют драматический подтекст, но А<лександр> П<авлович> не мог и по внутренним, и по внешним причинам говорить откровенно». Вспомнил он и о похоронах Скафтымова, и о филфакской панихиде, на которой присутствовал: «Я стоял на улице напротив выхода, смотрел на гроб, на его лицо и на специальных людей, распоряжавшихся похоронами».

В том памятном январе шестьдесят восьмого года Чумаков почти два года уже как жил и работал далеко за пределами Саратова, где, по свидетельству Э. И. Худошиной, «его положение все время было пропавшим, его кое-где не забывали и не давали себя забыть», так что «он, доведенный до отчаяния, решил на шаг, который, при его до странности сильной любви к Саратову, казался ему самому прыжком в пропасть»; стремясь «разорвать все связи», его к тому времени сильно тяготившие, он «уехал на край света, в

Пржевальск»¹⁵. Но проститься со Скафтымовым посчитал своим долгом.

Между тем саратовский сюжет его жизни был далек от завершения; хотя его научные взгляды, как он полагал, были «абсолютно чужды саратовскому университету»¹⁶, написанную в Пржевальске кандидатскую диссертацию Чумаков, тем не менее, посылает в *alma mater*. В письме к Б. О. Корману от 14 марта 1970 г., с которым его связывали доверительные отношения, Чумаков сообщает о важном для себя событии: «На днях Евгр<аф> Ив<анович> [Покусаев] прислал мне чрезвычайно положительный отзыв о диссертации, и из письма само собой выходит, что я должен защищать в Саратове»¹⁷. А 15 ноября пишет тому же адресату уже о состоявшейся защите: «Евгр<аф> Ив<анович> остался доволен защитой, предложил прислать рекомендацию, чтобы издать работу книгой, не отказался от дальнейшей научной связи. В целом я, конечно, удовлетворен, ибо получил признание там, где долго чувствовал себя совершенно чужим»¹⁸. По реакции Чумакова видно, насколько значимыми были для него как сама защита, от которой он ждал многого, прежде всего научного признания, но также и возможной перемены участи, что вскоре и произошло, так и место защиты, сознательно им выбранное. Столь важно ему было не чувствовать себя здесь больше *совершенно чужим*.

Это остро и даже болезненно ощущавшееся им единство с местом (явное следствие *до странности сильной любви к Саратову*) не исключало конфликтных отношений с ним, эмоционально окрашенных и биографически мотивированных. Б. Ф. Егоров, тесно общавшийся и близко друживший с Чумаковым, побывав в 1996 г. в Саратове и не обнаружив его имени «среди саратовских книг и сборников», не случайно задался вопросом: «Сам ли он устранился от изданий родного города или его устранили? То есть не приглашают коллеги по каким-то причинам?»¹⁹ В письме ко мне от 16 октября 2014 г. Чумаков написал с нескрываемой горечью, что его «отношения с Университетом таковы, что они выглядят как непроницаемая стена». Но суждение это, каким бы субъективным оно ни показалось (ведь защита и признание как будто убедили его, что университету он *не чужой*), лишь подчеркивало особое значение родного города в его жизни; с годами чувство внутренней связи с местом у него не только не ослабевало, но, стоило погрузиться в воспоминания о пережитом, с новой силой оживало.

В письме ко мне от 17 сентября 2014 г. он вновь возвращается к давней уже истории с диссертацией, его, видно, не отпускаящей: «Моя защита для меня была более чем знаковым событием, об этом стоит говорить подробно. Мне бы, например, хотелось узнать, как Вы это видели со своей стороны. Конечно, прошло много лет, но вот так вышло, что это всплывает». Когда же я поделился собственными впечатлениями о ходе

защиты, а также рассказал о мнении своих однокурсников, Людмилы Чикирис и Юрия Борисова, которым Е. И. Покусаев поручил прочитать работу, то Чумаков, очень довольный, как мне показалось, услышанным, посчитал нужным пояснить (в письме от 16 октября), что у него с Покусаевым «особая история, о которой можно было бы написать и подробнее. То, что он поставил на диссертации свое имя, во многом меня выручило. Его оценка текста в письме, присланном мне в Пржевальск, была даже чрезмерной». Но столь кратким пояснением не ограничился и следом действительно написал подробнее.

Приведу полностью письмо Чумакова от 22 октября 2014 г., учитывая исключительную значимость его содержания, как биографическую, так и историко-психологическую:

«Я поступал в аспирантуру в 1955-м в крайне запутанных условиях, и в конце концов Е<вграф> И<ванович> согласился меня взять. К моему удивлению, он сам предложил мне Тютчева, которым я был в ту пору увлечен. В 1958-м он принял меня на кафедру на 1/2 ставки ассистента вместо уехавшего Оксмана, однако через год (15 июня 1959) он пригласил меня к себе домой, чтобы объявить о моем увольнении по сокращению штатов (моя ситуация была усложнена ложными слухами политического свойства). Он сказал, что вынужден, не по своей воле, и проч. В это время зазвонил телефон, и Ю. Б. Неводов, также увольняемый (но как человек партийный, переведенный на должность ученого секретаря Совета), объявил, что, раз так, то курс 1 пол. 19-го он читать на заочном не станет. Е<вграф> И<ванович> долго пытался сломить его амбицию, спрашивал, не прочитает ли курс кто-то другой, и т. д. Наконец, положил трубку и задумался. Тут я понял, что он сейчас предложит дочитать этот курс мне (я читал его в течение года на вечернем), и в моей голове промелькнуло множество возможных ответов. Помолчав, он сказал: “Я принужден обратиться к Вам со странной просьбой. Не согласитесь ли Вы в Вашей ситуации прочесть этот курс?”. И я мгновенно и спокойно ответил: “Да, я согласен”, – и после паузы встал, простившись, и пошел вдоль стены к двери направо. Он сидел за письменным столом у стены напротив и вдруг быстро пошел по какой-то бесконечной диагонали. Нагнав меня у самой двери и схватив за руку, он громко воскликнул: “Не будьте, не будьте никогда князем Мышкиным!”.

В следующий раз мы встретились года через полтора-два, на улице против консерватории. Он остановился и спросил, почему я не заканчиваю аспирантуру. Я сказал, что это вряд ли возможно, а он, чуть ли не хватая меня за руки, настаивал. Но здесь-то я отказался. На прощание он сказал, что если я буду что-то писать, то могу присылать это ему, он обязательно будет читать, считая себя обязанным. Уже покинув Саратов, я послал ему (весной 1967) 3 рукописи. Он их вернул, испещрив

множеством незначительных помет, – запомнить было нечего, кроме одной: “Кто раздаст лавры?”. В начале февраля 1970 я принес ему законченную диссертацию. Он сказал, что поставит на ней свое имя, и спросил, где я намерен защищать. Мне казалось, что он раньше говорил о Саратове. – Ну, посмотрим!

Через месяц я получил от него восторженное письмо, где было написано о моей оригинальности и даже артистизме. Спрашивал, не пригласить ли Лотмана? Я ответил согласием, тем более, что к тому времени уже был знаком и переписывался с Ю<рием> М<ихайловичем>. Что было дальше, более или менее известно.

Последний раз я видел его летом 1975. Я навещал его, уже больного, после инсульта (кажется, в 1971). В нем появилось много детского. Не могу забыть, как он обрадовался привезенным мною из Москвы лимонам – улыбался, держа их перед глазами, и все повторял: “Лимончики!”. Через два года его не стало.

Мне хочется оставить в памяти весь этот сюжет, который кладет какие-то дополнительные черты на облик Е<вграф> И<вановича>. Кроме того, не будучи сторонником философского детерминизма, я вчера подумал о связи эпизода с “князем Мышкиным” и моей защитой.

Б. Ф. Егоров, рассказывая о встречах с Чумаковым, поражался «потрясающей свежестию и емкостью памяти собеседника», к сожалению, так и не взявшегося за мемуары, но пообещавшего присылать ему «письма-воспоминания», которые, однако, остались «в проекте»²⁰. Но вот воспоминание о Покусаеве и о его роли в своей судьбе он все-таки захотел сохранить. А в авторских предисловиях к двум книгам, 1999 и 2008 гг., счит нужным напомнить об их саратовских истоках, не для всех читателей очевидных: размышлениях Г. А. Гуковского о русской поэзии, которые ему довелось услышать во время войны, кандидатской диссертации, уже содержащей основные идеи относительно пушкинской стихотворной поэтики, методологической статье Скафтымова, так сильно на него повлиявшей.

При чтении писем Чумакова, касающихся его трудов и дней, нельзя было не заметить одного сближения с трудами и днями Скафтымова; сближения, может быть, и *странного*, но такого знаменательного. В письме от 13 сентября 2014 г. Чумаков писал мне: «Долго думал и понял, что всегда имел склонность к философии, она, конечно, имплицитно просвечивает в моих разборах. Кратко ее можно выразить названием раздела из “Непостижимого” С. Франка: “Умудренное неведение как антиномистическое понимание”». Как тут не вспомнить, что в библиотеке Скафтымова были книги Франка, хранившие следы многократного перечитывания²¹. Философичность в духе работ Франка, будучи свойством свободной мысли, придает особое измерение и статьям Скафтымова, и статьям Чумакова, расширяя и углубляя

их смысловое пространство; каждый из них, оставаясь филологом, строит вместе с тем и собственную модель жизни, жизненного поведения: Скафтымов – анализируя и интерпретируя пьесы Чехова, в которых слышатся призывы «терпеливо и мужественно работать для лучшего будущего»²²; Чумаков – обратившись к пушкинскому роману в стихах: «...это роман хотя и трагичный, но это роман абсолютного счастья. Абсолютного счастья и радости бытия, при котором каждый из нас присутствует»²³.

С. Г. Бочаров, говоря о движении Чумакова к философской поэтике, заметил, что автор «как бы поверх типичной пушкиноведческой проблематики, от нее на отлете, высвечивает более общие ситуации, философские состояния, переживаемые Пушкиным и его героями, но слабо пережитые еще пушкинистской критикой»²⁴. Но такого же рода *более общие ситуации и философские состояния* высвечивал и Скафтымов в своих чеховских статьях, хотя в его случае говорить о движении к философской поэтике пока не принято. Тем более важно обратить внимание на известное сходство научного пути двух ученых, открывавших и открывших для себя важную сферу смысловых универсалий.

Есть и прямая перекличка суждений Скафтымова и Чумакова об одной особенности их научного творчества, перекличка вряд ли случайная. Скафтымов, когда Ю. Г. Оксман попросил его написать, «откуда» он вырос «как исследователь»²⁵, ответил: «Все выходило как-то само собою»²⁶. Почти буквально это выражение (возможно, подсказанное ему его читательской памятью; думается, публикация переписки Скафтымова и Оксмана мимо него не прошла) повторил Чумаков, видя в собрании своих отдельных статей книгу, «которая писалась как бы сама собой, и ее начало осталось за пределами текста, а конец, может быть, еще будет дописан»²⁷. А в интервью, коснувшись создания им книг, вновь подчеркнул, что оказалось оно «спонтанным актом, при котором все как будто делается само»²⁸. Научное творчество он, следом за Скафтымовым, уподобил органичному самодвижению жизни, которой не надо ничего навязывать; ведь жизнь есть текст, и пока книга все еще пишется, и пишется *сама собою*, текст этот похож на черновик с его «спектром возможностей»²⁹, стало быть, его можно подкорректировать. Не только будущее, но и прошлое при таком понимании мыслится вероятностным, так как несбывшиеся варианты присутствуют в сознании как возможности, которые все еще могут реализоваться.

В письме ко мне от 12 января 2015 г. Чумаков так охарактеризовал свою работу филолога: «...вектор моих анализов идет внутрь текста, а центробежных стремлений вовне я избегаю». Вектор же его памяти постоянно был направлен внутрь его жизни и биографии, побуждая вновь и вновь воскрешать дорогие лица и имена. 30 сен-

тября 2014 г. я написал ему, что на следующей неделе собираюсь на Скафтымовские чтения, и послал программу, его заинтересовавшую: «Любопытно, что расскажет Б. Ф. Егоров о переписке Скафтымова и Лотмана?» Но в том же письме от 3 октября, где он задал этот вопрос, прозвучала и печальная нота: «Значит, Вы будете в Саратове, куда мне уж никогда не захватить». Однако вскоре, в письме от 16 октября, он вновь возвращается к чтениям, где ему никогда не доведется участвовать, возвращается с другим уже настроением, с глубокой личной заинтересованностью: «Скафтымовские конференции, конечно, следует продолжать. Надо посмотреть на теоретико-историческое лицо А<лександра> П<авловича>. А про Чехова можно предложить такую тему: “Чехов как предистория”. Это должно быть не культурно-историческим контекстом, а попыткой понять, как в Ч<ехове> начался 20 век».

Скафтымов, Скафтымовские чтения, Саратов, саратовское филологическое «гнездо» – все сплетается, когда думаешь и вспоминаешь о Чумакове, филологе и человеке, в единый узел, который не разорвать.

Примечания

- 1 *Исутов К.* Имманентная поэтика и поэтология имманентности // *Вопр. литературы.* 2010. № 1. С. 212, 222, 225.
- 2 Там же. С. 213–214.
- 3 Там же. С. 214–215.
- 4 *Пиксанов Н.* Два века русской литературы. М.; Пг., 1923. С. 10.
- 5 *Топоров В.* Петербургский текст. М., 2009. С. 504.
- 6 Февральский вечер с мастером (Беседа с Ю. Н. Чумаковым) // *Ars interpretandy* : сб. ст. к 75-летию проф. Ю. Н. Чумакова. Новосибирск, 1997. С. 272.
- 7 Там же.
- 8 *Дрыжакова Е.* Вологодская конференция 1969 года (Странички воспоминаний) // *Точка, распространяющаяся на всё...* : К 90-летию профессора Ю. Н. Чумакова : сб. науч. работ. Новосибирск, 2012. С. 595.
- 9 Юрий Чумаков : Жизнь – текст, который вы можете подкорректировать. Текст: Александра Лаврова // *Новая Сибирь* (Новосибирск). 02.03.2000. URL: <http://catalognews.ru/94/92> (дата обращения: 13.05.2012).
- 10 *Чумаков Ю.* Пушкин. Тютчев : Опыт имманентных рассмотрений. М., 2008. С. 10.
- 11 Там же.
- 12 *Чудакова М.* Обвал поколений // *Нов. лит. обозрение.* 2006. № 77. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/chu20.html> (дата обращения: 06.09.2015).
- 13 География интеллигентности : эскиз проблемы : Дискуссия в Тартуском университете // *Лит. учеба.* 1989. № 2. С. 5.
- 14 *Чумаков Ю.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 5.
- 15 *Худошина Э.* Уточнение [к рец.: Пенская Е. Все как будто делается само]. 09.11.2012. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1352455952373> (дата обращения: 13.05.2012).
- 16 Юрий Чумаков : Жизнь – текст, который вы можете подкорректировать.
- 17 *Чумаков Ю.* «Как всегда, читаю Вас с особым вниманием...» // *Жизнь и судьба профессора Б. О. Кормана* : сб. / отв. ред. Е. А. Подшивалова, ред.-сост. Д. И. Черашняя. Ижевск, 2012. С. 563.
- 18 Там же. С. 565.
- 19 *Егоров Б.* Саратов – 96 // *Ars interpretandy.* Новосибирск, 1997. С. 270.
- 20 *Егоров Б.* Воспоминания – 2. СПб., 2013. С. 241.
- 21 См.: *Прозоров В.* Саратовский текст Семена Франка // *Франк С. Л. Саратовский текст.* Саратов, 2006. С. 8–9.
- 22 *Скафтымов А.* Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 434.
- 23 *Чумаков Ю.* [Слово на представлении книги «Стихотворная поэтика Пушкина»] // *Филология : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 5 : Пушкинский.* Саратов, 2000. С. 140.
- 24 *Бочаров С.* Мировые ритмы и наше пушкиноведение // *Новый мир.* 2000. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/12/chumak.html (дата обращения: 14.08.2015).
- 25 Из переписки А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана / предисл., сост. и подг. текстов А. А. Жук ; публ. В. В. Прозорова // *Russian Studies.* 1995. Т. I, № 1. С. 287.
- 26 Там же. С. 289.
- 27 *Чумаков Ю.* Стихотворная поэтика Пушкина. С. 5.
- 28 Юрий Чумаков : Жизнь – текст, который вы можете подкорректировать.
- 29 *Чумаков Ю.* Стихотворная поэтика Пушкина. С. 7.